

Леонид Люкс

## «Третий путь» или назад в «Третий рейх»? О «неоевразийской» группе «Элементы»\*

Многие поборники имперских идей в сегодняшней России считают развал Советской империи своего рода апокалипсисом. Они не могут утешиться даже тем, что на протяжении 20-го столетия другие европейские державы так же потеряли свои империи, и что ускорение освободительных процессов в результате Второй мировой войны сделало Советское государство живым анахронизмом.

С другой стороны, можно вполне понять распространяющуюся в настоящее время в России неуверенность. Ведь Россия, в отличие от Великобритании или Франции, должна была распрощаться не только с империей, но одновременно с господствовавшей на протяжении нескольких поколений политической и экономической системой, с самой идеологией, которая эту систему узаконивала. Поэтому события 1991 г., приведшие к краху советской империи, лучше сравнивать не с распадом западных колониальных государств, а с переворотами 1917-1918 годов в самой России. Ведь и тогда, со многих точек зрения, Россия пережила крах. В 1917-1918 годах развалилась не только Российская империя, не только экономическая и политическая система страны, но и доктрина, на протяжении веков лежавшая в основе русской государственности. Не в последнюю очередь именно это способствовало распространению в русском обществе того времени апокалиптических настроений. Философ Василий Розанов выразил основное ощущение своих соотечественников, назвав свое сочинение, написанное в те годы, «Апокалипсисом нашего времени». Сходные настроения, кажется, господствуют и в сегодняшней России, прежде всего в националистических и имперски-настроенных кругах. Уже в заключительной фазе перестройки, когда эрозия коммунистической идеологии становилась все более очевидной, многие поборники имперской русской идеи отпавились на поиски нового связующего звена для всех народов и религиозных сообществ Советской империи и обнаружили для себя евразийскую идею – программу движения, возникшего в 1921 г. в русской эмиграции и сошедшего со сцены к концу 1930-х годов<sup>1</sup>. Многие группировки и публицистические органы в сегодняш-

---

\* Ранее опубл. в «Вопросах философии» 5, 2000. По немецки в журнале: *Studies in East European Thought* 52(1-2), 2000.

<sup>1</sup> См.: Böss Otto. *Die Lehre der Eurasier. Ein Beitrag zur russischen Ideengeschichte des 20. Jahrhunderts*. Wiesbaden, 1961; Riasanovsky Nicholas. *The Emergence of Eurasianism* // *California Slavic Studies* 4, 1967. S. 39-72; Luks Leonid. *Die Ideologie der Eurasier im zeitgeschichtlichen Zusammenhang* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 34, 1986. S. 374-395.

ней России исповедуют евразийскую программу. С особой настойчивостью делает это появившийся в 1992 г. журнал «Элементы», даже обозначенный как «евразийское обозрение». Ввиду того, что евразийское движение принадлежало к самым оригинальным идеологическим течениям русской эмиграции, признание их идей вполне может послужить повышению реноме соответствующей группы. На славе прежних «евразийцев» пытается сделать свой капитал и журнал «Элементы», издатели которого рассматривают себя как духовных наследников «классического» евразийства. Справедливы ли такие притязания? Этот вопрос будет стоять в центре данной работы.

## I.

Кажется, что идеологическое кредо группы «Элементов» полностью соответствует программе евразийцев. Обе группировки являются страстными защитниками культурного партикуляризма и радикальными противниками идей универсализма. Евразийцы считали универсализм свойством западноевропейцев — «романо-германских» народов, которые навязывают всем народам мира собственные представления о ценностях и обществе. Если европейцы говорят о человечестве, они понимают под этим только западноевропейскую цивилизацию, писал в 1920 г. один из основателей евразийского движения князь Николай Трубецкой. За так называемым универсализмом и космополитизмом западноевропейцев скрывается исключительно их стремление к мировому господству<sup>2</sup>.

Не иначе оценивают издатели «Элементов» сегодняшние теории глобализации, модель one-world или же идеи «нового мирового порядка». Все эти «мондиалистские» концепции инспирируются правящими кругами Запада, прежде всего американской правящей элитой, целью которых являются достижение мирового господства<sup>3</sup>.

В то время как евразийцы рассматривали весь Запад, точнее говоря «романо-германские» народы как врагов незападноевропейского мира, образ врага «Элементов» редуцируется до англосаксонских морских держав, интересы которых, якобы, диаметрально противоречат интересам держав континентальных. Морские державы выступают за упразднение границ, за унификацию культур, за общество melting-pot. Все это выдается западными или «атлантическими» последователями «мондиализма» за прогресс. Континентальные державы, напротив,

---

<sup>2</sup> Я опираюсь здесь на немецкое издание работы Трубецкого: Трубецкой Н.С. Европа и человечество. Мюнхен, 1922, изданное С.Якобсоном и Ф.Шлецером.

<sup>3</sup> Ср. Элементы 1, 1992. С. 3; Элементы 2, 1992. С. 1-8; Элементы 3, 1993. С. 5; Элементы 5, 1994. С. 7-11.

опираются на традицию, имеют глубокие корни. Культурные особенности отдельных народов считаются ценным достоянием и ни в коем случае не рассматриваются как отвлекающий фактор, который стоит на пути т.н. «прогресса». Это противоречие считается «Элементами» непреодолимым. Для того чтобы осуществить свой мондиалистский план, морские державы должны стремиться к тому, чтобы лишить все культуры мира их особенностей, смешать их воедино, в т.н. «мировую культуру». Континентальные державы со своей стороны должны пытаться, если они хотят выжить, сдержать такое наступление всеми возможными способами, даже с помощью военной силы. Речь идет о жизни и смерти<sup>4</sup>.

Наряду с неприятием «навязываемого Западом» универсализма, группу «Элементов» связывает с евразийцами также радикальное отрицание либерально-демократической системы. Евразийцы выступали за сильное интервенционистское государство и считали либеральное «мягкотелое государство» реликтом прошлого. Оно слишком пассивно, чтобы соответствовать требованиям современности. Тогдашний кризис парламентской демократии привел к тому, что государство оказалось не в состоянии увлечь людей своими идеалами<sup>5</sup>. Поэтому оно, как считали евразийцы, обречено на крах. Толерантность правящих на Западе демократий к конкурирующим идеологиям являлась для евразийцев проявлением слабости. Жизнестойкое государство с жизнестойкой идеологией не должно допускать с точки зрения евразийцев оппозиционных течений. Программный документ евразийцев 1926 г. «Евразийство» выступает за установление однопартийной системы, при которой самодержавная партия пронизывает все государственные институты и создает широко разветвленную сеть организаций и обществ. Авторы документа вполне отдавали себе отчет в том, что такая система схожа с фашистской диктатурой в Италии или же с большевистской системой. Но это ни в коем случае не пугало их<sup>6</sup>.

Многopартийная система отвергалась евразийцами также и потому, что отдельные партии, якобы, стояли только на защите эгоистических интересов своих клиентов и не учитывали интересов всей общественности. Защиту собственных интересов евразийцы считали типично западным явлением. Правовед Н. Алексеев, который принадлежал к ведущим евразийцам, писал в 1928 г. в этой связи: на Западе со времен Ренессанса сформировалась позиция борьбы личности за свои права, хотя она и была принята лишь после горькой борьбы<sup>7</sup>. Внутренне разорванному Западу евразийцы пытались противопоставить древнерусский идеал гармонии, который берет свой исток в православии. Центральной

---

<sup>4</sup> Элементы 2, 1992. С. 27; Элементы 3, 1993. С. 3, 8; Элементы 4, 1993. С. 48.

<sup>5</sup> См.: Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 55-56; Алексеев Н. Евразийство и государство // Евразийская хроника. Вып. IX. Париж, 1927. С. 36-37; Его же. Образованность и право // Евразийская хроника. Вып. X. Париж, 1928. С. 23-24.

<sup>6</sup> Евразийство (прим. 5). С. 52.

<sup>7</sup> Алексеев Н. Обязанность и право (прим. 5).

идеей в православии является не идея борьбы личности и постоянный конфликт, а идея единения, утверждали, вслед за славянофилами 19-го века, евразийцы<sup>8</sup>.

Группа «Элементы» также обличает западный индивидуализм и эгоизм с крайней остротой и радикально отвергает либерализм как экономический, так и политический. Однако в отличие от евразийцев, «Элементы» рассматривают либеральные группировки не как «потерпевших поражение» неудачников, но как «победителей в истории». И в самом деле за последние десятилетия отношения между защитниками и врагами «открытого общества» существенно изменились. В 20-е и 30-е годы, когда евразийцы клеймили либеральное государство за его пассивность и слабость, либерализм в действительности переживал чрезвычайно глубокий кризис. Находившееся под давлением со стороны как крайне правых, так и крайне левых, либеральное государство боролось за выживание. После падения Третьего рейха, но прежде всего после развала советской империи, приговоренный к смерти либерализм восстал словно «феникс из пепла». Такие либеральные принципы, как свободный рынок и многопартийная система утвердились, за некоторыми небольшими исключениями, по всей Европе. И эта победа либерализма для издателей «Элементов» представляется беспрецедентным поражением всего незападного человечества. Они хотят любой ценой повернуть назад колесо истории, потому что жизнь в мире, где правят либеральные принципы, для них бессмысленна.

«Элементы» рисуют либерализм как «наиболее последовательную, агрессивную и радикальную форму <...> европейского нигилизма», как воплощение духа антитрадиции, цинизма и скепсиса<sup>9</sup>. Либерализм разрушает любую духовную, историческую и культурную непрерывность, он просто враг всего рода человеческого, утверждают издатели журнала. Как роковую ошибку рассматривают «Элементы» то, что слова «либерализм» и «демократия» зачастую выступают синонимами. На самом деле, продолжают авторы, либерализм не имеет ничего общего с демократией – властью народа. Защитники либерализма представляют собой небольшую, одержимую жаждой власти и никем не избранную элиту, которая использует демократическую риторику только затем, чтобы создать у народа иллюзию его причастности к политическим решениям верхушки. В реальности, так считает главный редактор журнала Александр Дугин, ни в какой другой политической системе народ не обделен властью так, как при т.н. «демократиях». «Одно из высших проявлений этой стратегии социальной лжи заключается в том, что термин „демократия“ применяется именно к тем социальным режимам, где „власть“ принадлежит народу в еще меньшей степени, чем где бы то

---

<sup>8</sup> Шахматов М. Подвиг власти (Опыт по истории государственных идеалов России) // Евразийский временник 3, 1923. С. 55-80; Его же. Государство правды (Опыт по истории государственных идеалов в России) // Евразийский временник 4, 1925. С. 268-304; Сувчинский П. Страсти и опасности // Россия и латинство. Сборник статей. Берлин, 1923. С. 27-28.

<sup>9</sup> Элементы 5, 1994. С. 5.

ни было в другом месте»<sup>10</sup>. Политические и идеологические противники евразийцев и их эпигонов, таким образом, четко определены. Кто же их единомышленники? К ним в первую очередь относятся радикальные противники либерализма и парламентской демократии как из правого, так и из левого лагеря, и не в последнюю очередь коммунисты и фашисты. Уже первые русские критики евразийской программы обратили внимание на духовную близость евразийцев к большевизму и итальянскому фашизму. Большевизм и итальянский фашизм рассматриваются евразийцами абсолютно в позитивном свете, писал в 1924 г. Федор Степун. Единственное, что они бескомпромиссно отвергают и ненавидят — это демократия<sup>11</sup>.

Что связывает евразийцев, которые, так же, как и другие эмигранты, принадлежали к проигравшим в гражданской войне, с их победителями — большевиками? В первую очередь острейшая критика предреволюционной России и признание исторической необходимости революции 1917 г. Евразийцы отвергали предреволюционную, петровскую, Россию прежде всего по культурным и идеологическим мотивам. Для них европеизация России, которую начал Петр, была ложной тропой истории. Петр I разрушил фундамент, на котором покоилась внутренне сильная Россия, пишет Трубецкой. Ни один вражеский завоеватель не был в состоянии разрушить национальную русскую культуру в таких масштабах, как это сделал Петр<sup>12</sup>.

Поэтому евразийцы рассматривают революцию 1917 г. как судилище над постпетровской Россией, как справедливую реакцию простого народа на режим, расколовший Россию<sup>13</sup>.

В этом признании «внутренней логики и правды» русской революции евразийцы, очевидно, совпадают с большевиками, при том, что их мнение относительно самой революции кардинально отличается от мнения большевиков. Большевики утверждали, что низшие слои русского общества протестовали против экономического и политического угнетения, евразийцы — что против культурного. Ожидания, которые большевики, с одной, и евразийцы, с другой стороны, связывали с революцией, были полностью различны. Основной целью большевиков было преодоление русской «отсталости», электрификация, индустриализация и модернизация страны; другими словами — завершение работы, начатой Петром Великим. Евразийцы, напротив, надеялись, что переворот 1917 г. навсегда закроет «окно в Европу», прорубленное Петром. Они мечтали о возврате к культурным и религиозным ценностям старой, допетровской России. Своей

---

<sup>10</sup> Там же. С. 8.

<sup>11</sup> Степун Федор. Евразийский временник. Кн. 3 // Современные записки 21, 1924. С. 403.

<sup>12</sup> И.Р. (Трубецкой). Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин, 1925. С. 35-39; Alekseev N. Das russische Westlertum // Der russische Gedanke 1, 1929/1930. S. 149-162.

<sup>13</sup> Флоровский Георгий. О патриотизме праведном и греховном // На путях утверждения евразийцев. Кн. вторая. М.-Берлин, 1922. С. 230-293.

идеализацией «великого» прошлого Древней Руси евразийцы совсем непохожи на большевиков, в гораздо большей степени здесь они сближаются с итальянскими фашистами, которые также хотели вернуться к великому прошлому своей страны (Древний Рим, эпоха Возрождения) и которые насмехались и презирали новейшую историю Италии, попавшую под влияние либеральных идей<sup>14</sup>.

## II.

Сродство евразийцев как с крайне левым, так и с крайне правым полюсами тогдашнего политического спектра Европы вызывало смятение многих наблюдателей, которые хотели политически классифицировать евразийское движение. Сами евразийцы иронизировали по поводу этих идентификационных трудностей и объясняли своим критикам, что они не являются ни правыми, ни левыми, ни вписываются ни в какое традиционное деление и занимают некую «третью» позицию, которая выходит за рамки схемы левые-правые<sup>15</sup>.

Сходные аргументы звучат и в устах издателей «Элементов». Они также не хотят знать о схеме «правое-левое» и выдают себя за «третью» силу, которая вдохновляется идеологией как левых, так и правых. Единственное, что интересует их в этих идеологиях, это их отношение к либерализму. Чем радикальней эти идеологии ставят под вопрос либеральный образ мира, тем у них больше шансов попасть в духовный пантеон «Элементов». Большой интерес вызывают у журнала, к примеру, т.н. национал-большевистские течения, которые пытались преодолеть пропасть между коммунизмом и правым экстремизмом. Наряду с евразийцами это, к примеру, движение «Смена вех»<sup>16</sup>, которое к началу 20-х годов по «патриотическим» мотивам капитулировало перед советской властью — в знак благодарности за восстановление большевиками территориальной целостности Российской империи. Однако особое восхищение издателей «Элементов» вызывают деятели немецкой «консервативной революции», которые со своей стороны внесли особую лепту в духовное выхолащивание Веймарской демократии и облагораживание национал-социалистических идей.

«Элементы» определяют все эти течения словом «национал-большевизм». «Национал-большевизм» называется интереснейшим явлением XX в. В заглавной статье восьмого номера журнала читаем: «Все, что привело эти идеологии

<sup>14</sup> См.: Трубецкой Н. У дверей реакция? Революция? // Евразийский временник. Кн. третья. Берлин, 1923 и т.д.

<sup>15</sup> См.: Трубецкой Н. Там же, 1923; Его же. Мы и другие (прим. 14).

<sup>16</sup> См.: Элементы 8, 1996/97.

(фашизм и большевизм) к гибели, – строго равно их отступлению от духа и буквы этой несформулированной, но существовавшей виртуально доктрины»<sup>17</sup>.

Как составные части этой доктрины среди прочих называются: 1. Эсхатологическая заостренность, ясное понимание того, что современная цивилизация вплотную приблизилась к своему концу. 2. Ненависть к правящим западным цивилизациям, пронизанным духом Просвещения. Отождествление космополитического развитого капитализма с абсолютным злом. Антибуржуазный пафос. 3. Спартанский (пруссский) аскетический стиль. Признание достоинства рабочих людей. Поиск возможности слияния с народными слоями, которые не были испорчены «дегенерирующей» элитой «старого режима». Стремление к созданию новой, соединенной с народом «аристократии». 4. Радикальное отрицание индивидуализма, потребительской идеологии и «торгашеского духа», который журнал отождествляет с семитским влиянием. 5. И наконец, по мнению журнала, самое примечательное свойство национал-большевизма состоит в его готовности пожертвовать собой во имя идеалов, предпочтение радикальных решений и отрицание филистерского духа и заурядности<sup>18</sup>.

Этот вытащенный на свет из Веймарского чулана идеологический конструкт, с которым «Элементы» широко себя идентифицируют, признается журналом единственной альтернативой либеральному образу мысли, «либеральному Антихристу», который повсеместно правит на земле. Либерализм уже победил всех других врагов. Остался только национал-большевизм. Либо мировое господство либерализма и с ним конец света, либо национал-большевизм. Таково кредо «Элементов»<sup>19</sup>.

Журнал ни в коем случае не хочет мириться с окончательной победой своих кровных врагов-либералов и вызывает к ответному наступлению, к жестокому отмщению, дабы отплатить врагам на Западе за позорное поражение. Журнал славит войну и насилие, так же как это делали сторонники консервативной революции в Веймаре. Они опирались на «Понятие политического» Карла Шмитта, для которого различие между другом и врагом представлялось важнейшим критерием в политике. Это различие является альфой и омегой также и для «Элементов». Как врагов журнал рассматривает: «новый мировой порядок», «открытое общество», мировое правительство, планетарный рынок, общечеловеческие ценности и ... универсализацию Запада»<sup>20</sup>.

Все противники этих «врагов» записываются «Элементами» в категорию «друзей». Примирение между двумя лагерями невозможно: «Две несводимые друг к другу позиции, два всеохватывающих супермировоззрения, два взаимоисключающих проекта будущего человечества. Между ними только вражда, не-

<sup>17</sup> Либо – мы, либо – ничто // Элементы 8, 1996/97. С. 2.

<sup>18</sup> Там же.

<sup>19</sup> Там же. С. 3.

<sup>20</sup> Рука так и тянется к кобуре // Элементы 7, 1996. С. 2.

ненависть, жесточайшая борьба по правилам и без правил, на уничтожение, до последней капли крови. Между ними горы трупов... Кто из нас подытожит историю? Кто всадит последнюю пулю в плоть поверженного врага? Они или мы?.. Это решит война. "Отец вещей"»<sup>21</sup>.

Такая позиция не имеет ничего общего с евразийством. Целью евразийцев было не разрушение Запада, но ограждение России и всего евразийского субконтинента от культурного воздействия Запада. Их программа была не экспансионистской, а изоляционистской. Развал Российской империи в результате переворота 1917 г. был для них травматическим переживанием, они хотели любой ценой предотвратить дальнейшее разрушение российской государственности. Евразийцев интересовала не власть над миром, а поиски элемента, способного скрепить многонациональную империю. Они сознавали, что пролетарский интернационализм, с помощью которого большевики в 1917 г. объединили развалившуюся империю, не сможет сцементировать Россию на продолжительное время. Национальные эмоции рабочих, как правило, сильнее, чем классовая солидарность, говорил в 1927 г. Трубецкой. Россия именно поэтому должна искать нового носителя единства, если она хочет остаться единым государством. Таким носителем может стать лишь евразийская идея, потому что она подчеркивает общность между всеми народами России<sup>22</sup>.

Для «Элементов» не может быть и речи о подобного рода самоограничении, типичном для евразийцев. Не восстановление равновесия между Западом и Востоком, а тотальная победа над противниками с Запада является для них единственной приемлемой целью — при этом они примиряются с полным поражением собственного лагеря. Пристрастие к планам борьбы до последнего конца, до «гибели богов», находит отражение в беспримерном культурном пессимизме «Элементов» (позиции, нетипичной для России, конечно, если не принимать во внимание поэтов и мыслителей «серебряного века» на рубеже веков). Совсем иначе обстояли дела в Германии. Здесь с рубежа веков, и особенно после развала кайзеровской империи, культурный пессимизм представлял собой весьма распространенное явление — главным образом в националистическом, правом лагере. Деятели «консервативной революции», вызывающие такое восхищение у «Элементов», беспрестанно предавались апокалиптическим настроениям. Евразийцы, напротив, были не настолько пессимистичны, в них жила уверенность, что после «падения Запада» культурный центр мира переместится на Восток: «Не уходит ли к востоку богиня Культуры, чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов Европейского Запада?» — вопрошал в 1921 г. евразиец Петр Савицкий<sup>23</sup>.

---

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Трубецкой Н. Общеввропейский национализм // Евразийская хроника 7, 1927. С. 28-29.

<sup>23</sup> Савицкий Петр. Поворот к востоку // Исход к востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921. С. 3.

### III.

Таким образом, издатели «Элементов» со своими апокалиптическими ожиданиями на грани истерики оказываются связанными не с евразийцами, а в гораздо больше степени с Веймарскими правыми.

Демонизация либерализма также выглядит точной копией программы Веймарских правых экстремистов и имеет мало общего с надменно-насмешливой позицией евразийцев по отношению к либерально-демократическому государству. Тот факт, что радикально-националистические круги в Веймаре и в постсоветской России боролись или борются с либерализмом сходными аргументами, конечно, связан с тем, что обе группировки хотят или хотели повергнуть не только своих внешнеполитических врагов – Запад – но в большей степени врагов внутривнутриполитических – собственное правительство. В обоих случаях собственный режим выдается за марионетку Запада, за воплощение национального предательства.

Как и когда-то в Веймаре, либерализм и парламентская демократия ассоциируются в посткоммунистической России с крахом гегемониального положения обоих государств на европейском континенте, с потерей территорий и с возникновением новой диаспоры. В обоих случаях к национальному унижению присоединяются глубокий экономический кризис и потеря определенных ориентиров. К тому же крах в обеих странах произошел неожиданно, внутренне, страны не были к нему готовы. В кайзеровской Германии практически до последнего момента верили в победу в мировой войне. Когда Эрих Людендорф 3 октября 1918 г. от имени верховного главнокомандующего объявил о поражении только что назначенному на должность канцлера Максу фон Бадену, тот не мог понять, что на самом деле произошло, рассказывают некоторые историки. Так же растерянно прореагировало советское население на крушение империи, которая еще до 1991 г. вместе с США вершила судьбами мира. Это неожиданное падение дало повод некоторым националистически настроенным кругам в сегодняшней России, так же как когда-то в Веймарской республике после краха кайзеровской империи, говорить о заговоре темных сил как внутри страны, так и за ее рубежами. Особенно ревностно распространяют легенду о новом «ударе ножом в спину» те политические силы, которые в советские времена путем истощения сил собственной нации во время холодной войны, подготавливали развал империи. Эти аргументы схожи с аргументами прежних немецких сторонников тезиса об «ударе ножом в спину». Крах обеих империй представляется как результат изощренной интриги западных демократий. В открытой, «честной» борьбе западные державы не в состоянии победить своих противников. Поэтому они обращаются к вероломным средствам ведения психологической войны. Пропагандой «западных ценностей» они ослабили и свергли советский колосс.

Таким образом один из самых радикальных переворотов в русской истории, подготовленный глубинными историческими процессами, вменяется в вину не-большому кругу заговорщиков.

Сходным образом революция 1917 г. рассматривалась многими эмигрантскими кругами, прежде всего правого толка, как результат действий мелких кружков заговорщиков всех цветов. Евразийцы отвергали такое объяснение<sup>24</sup>. Для них революция была, как уже сказано, результатом глубинных исторических процессов. Таким образом, «Элементы» со своей «теорией заговора» встают на защиту такой мировоззренческой позиции, которая не имеет ничего общего с «классическим» евразийством.

Как все сторонники «теорий заговоров», авторы «Элементов» считают своих видимых политических противников марионетками в руках невидимых и одновременно вездесущих сил, которые, пытаясь контролировать ход истории, действуют подпольно. Журнал объясняет, что совсем непросто конкретно определить т.н. «мондиалистские» силы – врагов рода человеческого *par excellence*: «Диктатура нынешней элиты страшна именно тем, что она завуалирована. С невидимым врагом намного сложнее сражаться»<sup>25</sup>.

Несмотря на это, «Элементы» все же не сдаются и отправляются на поиски этих почти неуловимых властителей сегодняшнего мира. По ходу своих поисков они обнаруживают старых знакомых, которые во все эпохи, почти для всех приверженцев «теорий заговоров» являлись воплощением зла – евреев.

Почти явно подтверждает тезис о мировом еврейском заговоре «военный эксперт» журнала Евгений Морозов. Тот факт, что в конфликте на Ближнем Востоке Соединенные Штаты поддерживают маленький и бедный Израиль, а не богатые сырьем арабские государства, имеет, по мнению автора, только одно правдоподобное объяснение: кто-то заставляет Соединенные Штаты действовать вопреки своим интересам, США кому-то подчиняются. И этот «кто-то» для «эксперта» – сионистское мировое правительство<sup>26</sup>.

Еще более subtilно, нежели Морозов, отстаивают свой тезис о мировом еврейском заговоре другие издатели «Элементов». В редакционной статье второго номера, к примеру, речь идет о религиозном измерении «нового мирового порядка». «Мондиалисты» пытаются опустошить и уничтожить все религии и вероисповедания мира, так считают авторы, однако это не означает, что у «мондиалистов» нет никаких религиозных представлений. Их стремление к мировому господству обнаруживает мессианские черты, они ожидают пришествия некоей светлой личности, которая придаст миру новый вид — пришествие некоего «Машийаха». Такое использование имени Мессии в его первоначальной иу-

<sup>24</sup> Ср. среди прочего Бохан С. Мы // Утверждения 3, 1932. С. 75-78.

<sup>25</sup> Либо – мы, либо – ничто (прим. 17), с.3.

<sup>26</sup> Морозов Евгений. План «Анаконда» // Элементы 4, 1993. С. 26.

дейской форме не случайно. Так журнал напоминает об истинной религиозной принадлежности «большинства мондиалистов»<sup>27</sup>.

К важнейшим агентам «мондиализма» в России принадлежат, по мнению «Элементов», космополитически настроенные силы и защитники малого народа<sup>28</sup> – оба понятия зачастую выступают в России синонимами слова «еврей». Последнее прозвище ввел в обиход известный советский диссидент и антисемит Игорь Шафаревич.

Конспиративный образ мира, прославление войны и насилия, стремление к тотальной победе над Западом, вместо отграничения от его культурных влияний – все это коренным образом отличает «Элементы» от их евразийских предшественников. И еще одним крайне важным пунктом своей программы журнал прямо противоречит евразийцам начала 20-го века. Для евразийцев будущее России лежало лишь на Востоке, лишь на Востоке они искали союзников, с которыми можно было бы вместе противостоять культурной гегемонии Запада. Для «Элементов» восточный компонент играет довольно неопределенную роль. Правда, издатели время от времени говорят о исламском фундаментализме, прежде всего в его иранском варианте, как о потенциальном союзнике России в ее борьбе против т.н. «мондиализма»<sup>29</sup>. Но все же своих наиболее важных союзников и товарищей по духу они обнаруживают не на Востоке, а на Западе. В первую очередь это западные правые экстремисты. Сторонники французских, бельгийских, немецких и итальянских правых неоднократно выступают на страницах журнала, а некоторые из них даже принадлежат к числу официальных издателей.

Таким образом, девиз «Элементов» звучит так: «Правые экстремисты всех стран – Запада и Востока – соединяйтесь!», вместо евразийского девиза: «Исход к Востоку!»

Перед евразийцами не стояло и вопроса о сотрудничестве с политическими силами Запада любой масти. Они критиковали как русских царей, которые на основе принципов легитимизма солидаризировались с западными монархами, так и большевиков, которые во имя «пролетарской солидарности» массивно поддерживали западных коммунистов. В обоих случаях российские режимы оказывались впутанными в ненужные конфликты<sup>30</sup>.

Таким образом, благодаря опоре на западноевропейских правых, а также по другим видимым причинам, «Элементы» явно нарушают заветы евразийцев. Почему же тогда журнал, несмотря ни на что, подчеркивает евразийский характер своей программы? Создается впечатление, что такое признание представляет собой своего рода обманный маневр с целью придать распропагандированной

<sup>27</sup> Идеология мирового правительства // Элементы 2, 1992. С. 1-2.

<sup>28</sup> Перспективы гражданской войны // Элементы 6, 1995. С. 24-28.

<sup>29</sup> Это вопрос веры // Элементы 1, 1992. С. 12-13; Геополитические проблемы ближнего зарубежья // Элементы 3, 1993. С. 24-5; Ось Москва-Тегеран // Элементы 6, 1995. С. 42; Иранский взгляд на Православие // Элементы 6, 1995. С. 44.

<sup>30</sup> И.Р. (Трубецкой). Наследие (прим. 22). С. 48-49.

журналом правозэкстремистской программе вид респектабельности, облагородить ее.

Если не евразийцы, то кто же тогда является истинным духовным предшественником «Элементов»? Без сомнений, – это Веймарские правые, столь часто цитируемые журналом. Запрещенные в советские времена правозэкстремистские идеи теперь по несчетным каналам стекаются в Россию, и «Элементы» принадлежат к важнейшим распространителям этих идей. В отличие от послевоенной Германии, Россия не смогла поставить иммунологический барьер против правозэкстремистских искушений, что с успехом используют «Элементы». Тексты Карла Шмитца, Артура Меллера ван ден Брука, Эрнста Юнгера и других крайних противников Веймарской республики, в которых они демонизируют либерализм, глумятся над правовым государством и призывают к войне, выдаются «Элементами» за последнее слово европейской мысли<sup>31</sup>. О том, что эти идеи на Западе, не в последнюю очередь в самой Германии, уже на протяжении поколений, прежде всего после падения Третьего рейха, отправлены на «задворки истории», журнал старательно умалчивает. Создается впечатление, что издатели «Элементов» и их товарищи по духу хотят превратить Россию в экспериментальное поле, на котором испытываются устаревшие западные идеи, точно так же, как это сделали большевики после 1917 года. И тогда большевистское правительство выдавало свое материалистическое и атеистическое мировоззрение, свою веру в «чудеса» техники и индустрии за последнее слово европейской культуры. На Западе же к тому времени вера в науку и технику уже была расшатана. Разрушения Первой мировой войны, которые отчасти были вызваны продуктами научно-технической революции, имели такие масштабы, что открыли европейцам глаза на губительные аспекты технического прогресса. Большевики не замечали, насколько «несовременной» была их вера в «прогресс». Наивная позитивистская вера в прочность материального мира, которую исповедовали большевики, также была к тому времени поставлена под вопрос интеллектуальной элитой, и не только на Западе, но и в России<sup>32</sup>.

Сходным образом издатели «Элементов», кажется, не осознают, насколько устаревшими являются идеи Веймарской консервативной революции сегодня, особенно ввиду их полной дискредитации национал-социализмом. Здесь видна некоторая аналогия с идеями марксизма дискредитированными «реально существующим социализмом». Однако в случае марксизма речь идет об, очевидно, более амбивалентном феномене, чем консервативная революция. Наряду с террористическо-утопистскими потенциями, которые ярко выразились в большевизме, марксизм содержит и эмансипаторские тенденции, которые наиболее сильно проявились в европейской социал-демократии. Подобная амбивалентность не

<sup>31</sup> См.: Элементы 1, 1992. С. 51-53; Элементы 3, 1993. С. 30-33; Элементы 4, 1993. С. 55-61 и т.д.

<sup>32</sup> См.: Luks Leonid. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935. Stuttgart, 1985. S. 197-199.

обнаруживается в консервативной революции, мечтавшей о национальной диктатуре, о ликвидации правового государства «без чести и достоинства» (Эрнст Форстхоф)<sup>33</sup>, о безграничной экспансии, основанной на войне, о Германии, сосредоточенной на мировом господстве. Ее страстное стремление к «Третьему рейху»<sup>34</sup> должно было неизбежно вылиться в настоящий Третий рейх, который и возник 30 января 1933 г. Неожиданные победы НСДАП на выборах в рейхстаг в начале 30-х годов были с воодушевлением встречены большинством консервативных революционеров. (Левоориентированный Эрнст Никиш вместе со своей группой «Сопротивление» принадлежал к небольшому числу скептиков<sup>35</sup>.) И это несмотря на то, что некоторые элитарные круги консервативной революции насмехались над плебейским характером национал-социалистического движения, как, впрочем, и над попытками Гитлера захватить власть не революционными, а законными парламентскими способами. Это были, однако, не слишком важные детали. Для абсолютного большинства представителей консервативно-революционного лагеря восхождение НСДАП символизировало конец ненавистной либеральной эпохи, начало национального возрождения<sup>36</sup>.

Не без основания они считали создание Третьего рейха не в последнюю очередь и своей заслугой. Лишь постепенно, словно ученики чародея, они начали осознавать, какого джинна выпустили из бутылки. Иллюзии постепенно рушились. Некоторые зачинатели событий 30 января 1933 г. пали жертвой гитлеровской деспотии (Эдгар Юнг), другие же ушли во «внутреннюю эмиграцию» (Эрнст Юнгер).

Что же думают по поводу Третьего рейха издатели «Элементов»? В отличие от консервативных революционеров времен Веймарской республики, они имеют возможность осознать его характер и последствия его апокалиптических преступлений. Осуждают ли их «Элементы»? Нужно иметь в виду, что отношение к национал-социалистическому режиму у них весьма критическое. Но они говорят, как правило, об его ошибках, а не о преступлениях. В отличие от либеральных «мондиалистов», национал-социалисты ни в коем случае не демонизируются, а рассматриваются как духовные союзники, которые просто заблуждались. Гитлер критикуется за его твердолобый национализм, за антирусские и антиславянские настроения. Эти его ошибки помешали возникновению широкого паневропейского альянса против западных демократий<sup>37</sup>. Гитлеровская политика по отношению к евреям, как правило, замалчивается. Крах Третьего рейха вызывает, в общем, сожаление издателей «Элементов». Хотя Третий рейх искажил

<sup>33</sup> Forstthoff Ernst. Der totale Staat. Hamburg, 1933. S. 13, 20.

<sup>34</sup> Moeller von den Bruck, Arthur. Das dritte Reich. Hamburg, 1931.

<sup>35</sup> Niekisch Ernst. Hitler – ein deutsches Verhängnis. Berlin, 1932.

<sup>36</sup> См.: Rauschnig Hermann. The Conservative Revolution. New York, 1941; Mohler Armin. Die Konservative Revolution in Deutschland. Der Grundriß ihrer Weltanschauung. Stuttgart, 1950.

<sup>37</sup> Элементы 1, 1992. С. 53; Элементы 3, 1993. С. 21; Элементы 5, 1994. С. 29; Элементы 8, 1997. С. 29.

некоторые постулаты консервативной революции, «но все же поражение Германии во Второй мировой войне было сокрушительным поражением всей идеологии Третьего пути», считает Александр Дугин..<sup>38</sup>

Дугин рассматривает Третий рейх, однако, не как целостное образование. Наряду с непримиримыми германоцентристами в нем были также и открытые миру, проевропейски настроенные силы. Они апеллировали почти ко всем народам Европы, призывая их принять участие в крестовом походе против западной «плутократии» и против коммунизма. Эту идеологию представляло, в первую очередь ... «Ваффен-СС и особенно научный сектор этой организации 'Анненэрбе'» (sic!), которые рассматриваются Дугиным как своего рода «интеллектуальный оазис» в Третьем рейхе: «Вместо узко национального германизма внешней пропаганды, СС стояло за единую Европу, разделенную на этнические регионы... и при этом этническим немцам никакой особой роли не отводилось. Сама эта организация была международной, и в нее входили даже представители „небелых“ народов... СС воспроизводило определенные стороны средневекового духовного рыцарского Ордена с типичными идеалами преодоления плоти, нестяжательства, медитативной практики»<sup>39</sup>.

Невольно это прославление СС напоминает известную речь Генриха Гиммлера в октябре 1943 г., в которой он хвалил членов СС за то, что выполняя историческое задание по «истреблению еврейского народа... они сохранили свою внутреннюю порядочность»<sup>40</sup>.

Гитлер в журнале не только осуждается. В шестом номере журнала напечатано интервью с Леоном Дегреллем – бывшим лидером крайне правой валлонской партии и одновременно лидером СС-дивизиона «Валлония». Дегрелль, который принадлежал к любимцам «лидера нацизма», называет Гитлера величайшей фигурой европейской истории: «Гитлер был величайший человек европейской истории. Он боролся за идеал, за идею. Он развивался. Начав с узко национального сугубо германского лидера, он постепенно учился мыслить европейскими категориями и так вплоть до общепланетарного масштаба... Часто его изображают как истерика, психопата, с трясущимися руками. Это все пропаганда. Он был удивительно воспитанный и обаятельный человек, вежливый, внимательный, сосредоточенный. Проиграв эту войну, потеряли шанс своего великого будущего не только Германия, но вся Европа, весь мир. Посмотрите, какой мир построили сегодня победители, его враги. Царство денег, насилия, смещения, вырождения, низменных недочеловеческих инстинктов... Нет высшей Идеи. Мы сражались за нечто Великое. И, Вы знаете, духовно мы не проиграли. У них нет одного – Веры... Это была война идеалистов и романтиков против двух типов материализма

<sup>38</sup> Дугин Александр. Консервативная революция. Краткая история идеологий третьего пути // Элементы 1, 1992. С. 54.

<sup>39</sup> Там же.

<sup>40</sup> Цит. по: Thamer Hans-Ulrich. Verführung und Gewalt. Deutschland 1933-1945. Berlin, 1986. S. 703.

— капиталистического и марксистского. Они могут отнять у нас нашу жизнь. Нашей Веры у нас они не отнимут. Поэтому я и написал книгу с таким названием: «Гитлер на тысячу лет»<sup>41</sup>.

Это прославление массового убийцы одним из его помощников прокомментировано лишь такими словами: «Последней Фольксфюрер умер как верующий христианин в присутствии кюре, после последнего причастия. Он был верен своей Идее до последнего часа»<sup>42</sup>.

#### IV.

К идеологическому профилю «Элементов» принадлежит наряду с полной идентификацией с национал-большевистскими и частично с национал-социалистическими позициями, также известный интерес к геополитической проблематике. На первый взгляд кажется, что вот здесь журнал сходится с евразийцами, которые придавали в своих работах большое значение геополитическим и географическим факторам. Но и это впечатление обманчиво. Евразийцы, особенно влиятельнейший экономист и географ движения Петр Савицкий, интересовались в первую очередь культурными и экономическими аспектами геополитики и географии, вопросами географического влияния на разные народы и этносы, тем как оно, это влияние, сказывается на постепенном сближении и единении народов. Одновременно евразийцы настаивали на экономической автаркии евразийского субконтинента, изучали географические факторы, которые были бы благоприятны для создания независимой экономической системы. Такие вопросы играют для «Элементов» второстепенную роль. Самые важные аспекты, связанные с геополитикой, интересующие «Элементы» – стратегического толка, вопросы об удобной исходной позиции в будущей, страстно желаемой борьбе материков, в которой сойдутся континентальные и морские державы<sup>43</sup>.

Американскому миру, униполярности мира, «Элементы» противопоставляют биполярную концепцию, которая должна возобновит конфронтацию между Востоком и Западом. Журнал рекомендует всем противникам «мондиалистов» или англосаксонских морских держав закончить все свои внутренние споры и сосредоточиться на создании великого континентального альянса – только так можно добиться победы в предстоящей смертельной битве. Этот альянс должен объединить всех прошлых, нынешних и будущих противников англосаксонских де-

<sup>41</sup> Последний фольксфюрер // Элементы 6, 1995. С. 48.

<sup>42</sup> Там же.

<sup>43</sup> См. Геополитические проблемы ближнего зарубежья // Элементы 3, 1993. С. 18-20; А.Д. (Александр Дугин). От сакральной географии к геополитике // Элементы 3, 1993. С. 37-39; Россия и пространство // Элементы 4, 1993. С. 31-35.

мократий – Германию и Японию, Россию и Китай, Индию и исламские государства, наконец, «порабощенную» Западную Европу<sup>44</sup>. Издатели журнала признают, что такой стратегический союз с Западной Европой противоречит представлениям их евразийских предшественников. Однако в сравнении с 20-ми годами, когда евразийцы развивали свои тезисы, расположение сил в мире основательно переменялось. Преимущество «мондиалистов» стало таким впечатляющим, что их противники должны мобилизовать все силы – без оглядки на культурные противоречия, например, между Россией и Западной Европой<sup>45</sup>.

Какие государства должны доминировать в так называемой «антимондиалистской» коалиции? Речь, по мнению журнала, идет только о двух государствах: о Германии и о России. Однако для того чтобы справиться с этой ролью, они должны полностью освободиться от «мондиалистских» влияний, как внешних, так и внутренних, и возродить свои имперские традиции. Для континентального альянса было бы большим преимуществом, если бы его возглавляла возрожденная Российская империя, так считают «Элементы». Стратегически Россия расположена в центре евразийского пространства, а значит, гораздо менее уязвима, чем Германия, которая находится на окраине. Кроме того, Германия, в случае возрождения своей прежней мощи, может пережить новую волну национальной мании величия, как это уже произошло во время Второй мировой войны, что может иметь для континентального альянса роковые последствия. Несмотря на такую опасность, Европа, в которой доминирует антиамерикански настроенная Германия, была бы предпочтительней Европы в ее сегодняшнем виде. Издатели «Элементов» были бы даже готовы встать под знамена рейха в своей борьбе с «мондиализмом». Конечно, русские знамена были бы предпочтительней. Возрождение Российской империи и гегемония России на всем европейском пространстве является для них судьбоносным вопросом. Если Россия откажется от своих имперских притязаний, то другие государства используют вакуум власти, образовавшийся в результате развала Советского Союза, и превратят Россию в свою колонию. Этого может достичь или уже упомянутая Германия, или Китай. Итак, по мнению издателей журнала, перед Россией стоит только одна альтернатива: снова стать провинцией другой гегемониальной державы, либо восстановить собственную гегемонию. Но в отличие от тех, кто испытывает ностальгию по империи в сегодняшней России, издатели «Элементов» не удовлетворяются простым возвратом к прежнему. Реставрация первоначальных границ Российской империи представляет собой только первую ступень их стратегического плана. Ведь главной целью восстановления империи им видится борьба с американским мировым господством, борьба с «мировым злом», борьба не на жизнь, а на смерть. И опять журнал показывает, как далеко он уходит от основ «классического» русско-

<sup>44</sup> Россия и пространство (прим. 43). С. 31.

<sup>45</sup> Там же. С. 31-35.

го евразийства и как сильно его программа напоминает «революционную территориальную политику» Веймарских правых. Многие сторонники радикального крыла Веймарских правых считали, что мировое господство является единственным средством, которое в состоянии облегчить страдания немцев: «Власть над миром является адекватной возможностью... облегчить страдания народу перенаселенной страны», – писал в 1923 г. один из проповедников консервативной революции Меллер ван ден Брук в своей книге «Третий рейх». Десять лет спустя «реально существующий» Третий рейх начал осуществлять эту программу. Итак, идейный корпус журнала «Элементы» оказывается импортированным продуктом. Так или иначе речь идет о давно испорченном продукте, гниение которого началось 30 января 1933 г. Именно Германия – страна, в которой этот продукт был произведен, знает, каким неприятным может быть его вкус.

*Перевод с немецкого А.В. Маркин*